

© 2017 г.

В.В. СОГРИН

ПОЧЕМУ РОССИЯ И США НЕ ПОНИМАЮТ ДРУГ ДРУГА

«Почему Америка и Россия не слышат друг друга? Взгляд Вашингтона на новейшую историю российско-американских отношений», — под таким названием в российском издательстве «Манн, Иванов и Фербер» издана книга американского профессора Анджелы Стент¹, ученого с солидным академическим статусом (она является руководителем Центра по изучению Евразии, России и Восточной Европы в Джорджтаунском университете) и работавшую в Отделе политического планирования Государственного департамента США при администрациях Б. Клинтона и Дж. Буша-младшего. Возможно, последнее обстоятельство стало причиной того, что российские издатели дали книге, мягко говоря, неточное название. Из российского названия можно заключить, что книга отражает некий официальный вашингтонский взгляд на российско-американские отношения. Но это не так. А. Стент — серьезный исследователь, и оценки, содержащиеся в ее работе, выражают ее собственную позицию, во многом отличную от подходов американского руководства, хотя в чем-то с ними совпадающую. Главное отличие — критический взгляд автора на многие действия как республиканской, так и демократической администраций США в сфере российско-американских отношений. Замечу также, что точный перевод английского названия — «Пределы партнерства. Отношения США — России в XXI веке»² — серьезно и принципиально отличается от названия, данного российскими переводчиками и издателями.

Американское издание осуществлено Принстонским университетом, что подчеркивает академический характер книги. Именно он и привлек мое внимание. Замечу, что в последние годы в России переведено несколько книг американских авторов, критикующих внешнюю политику США. Но они зачастую носят публицистический характер, не основаны на научной, академической проработке фактического материала³. А исследованию А. Стент такая проработка и стремление к разностороннему, сбалансированному рассмотрению российско-американских отношений как раз присущи. Отмечу также, что А. Стент преподавала курс по российско-американским отношениям в престижном Московском государственном институте международных отношений (МГИМО), что послужило для меня дополнительной причиной для анализа книги.

Согрин Владимир Викторович — доктор исторических наук, профессор, руководитель Центра североамериканских исследований Института всеобщей истории РАН, председатель российской ассоциации историков-американистов. (Москва, Россия).

¹ *Стент А.* Почему Америка и Россия не слышат друг друга. Взгляд Вашингтона на новейшую историю российско-американских отношений. М., 2015.

² *Stent A.E.* The Limits of Partnership. U.S.-Russian Relations in the Twenty-first Century. Princeton — Oxford, 2014.

³ См., например: *Блум У.* Убийство демократии. Операции ЦРУ и Пентагона в период холодной войны. М., 2013; *Стоун О., Кузник П.* Нерассказанная история США. М., 2015.

Начну с оценки исследовательской манеры А. Стент. Она следует позитивистской манере раскрытия материала. Разделив историю отношений с Россией современных США на четыре этапа – президентства Дж. Буша-старшего, Б. Клинтона, Дж. Буша-младшего и Б. Обамы, она обозначает в качестве завязки каждого периода «перезагрузку» в отношениях двух держав, а затем показывает, как после позитивных перемен каждый раз следовал крах «перезагрузки». Автор в объективистской манере излагает перемены в позициях обеих сторон, которые способствовали сначала «разрядке», а потом ее краху. Плюсом такого изложения является то, что А. Стент фиксирует как компромиссы, так и «ошибки» каждой из сторон, при этом трезво указывает на ошибки американской администрации. В результате в книге представлен богатый фактический материал, позволяющий разносторонне и объективно, что не присуще многим американским авторам, обеляющим США и односторонне обвиняющим Россию, оценить эволюцию и перипетии отношений двух держав.

А теперь укажу на принципиальный недостаток подхода А. Стент. Ее описательно-позитивистскому изложению недостает вводной обобщающей концепции внешнеполитической стратегии современных США и России (хотя некоторые краткие оценки присутствуют, о чем скажу ниже), которая давала бы основополагающий ответ на вопрос о том, почему две державы отказываются понимать друг друга и почему предсказуемо потерпели крах четыре «разрядки». Представлю такую концепцию, как видится она мне и как я обосновывал ее в ряде своих работ⁴.

В работе А. Стент проводится мысль, что американское политическое руководство оценивало исход «холодной войны» как успех всего человечества без победителей и проигравших (с. 22, 23, 28, 29). Действительно, на рубеже 80–90-х годов и Р. Рейган, и Дж. Буш-старший (президенты США периода завершения «холодной войны») высказывали подобные оценки. Но после 1991 г. и краха СССР выяснилось, что такие оценки имели тактический характер, предназначались для того, чтобы не раздражать советского оппонента, но при этом вести с ним «игру» к итоговой выгоде для США. Уже в 1992 г. во время президентской избирательной кампании Дж. Буш-старший предъявил избирателям главную козырную карту республиканской партии: «Мы одержали победу в “холодной войне”». Это утверждение стало общим местом в американской внешнеполитической идеологии и убеждением большинства граждан США. США без промедления идентифицировали себя как единственную сверхдержаву. Для руководства страны и политического класса в целом отсюда вытекали принципиально важные заключения. Первое состояло в том, что прежний миропорядок, в котором соперничали и делили мир США и СССР, исчез, поэтому необходимо формировать основы нового миропорядка. Следующий постулат: Соединенные Штаты по праву победителя стали единственным мировым лидером и им принадлежит руководящая роль в формулировании и выстраивании нового миропорядка.

Внешнеполитическая стратегия республиканцев и демократов после окончания «холодной войны» была основана на преимуществах. Республиканцы решительно встали на позицию вильсоновского мессианизма, которая прежде рассматривалась в качестве внешнеполитической матрицы демократической партии. Республиканцы восприняли основополагающее понятие вильсоновской внешней политики – «интернационализм» (в отечественной литературе этот фактор американской внешней политики обозначается как *интервенционизм*). В отличие от В. Вильсона и его ортодоксальных последователей – демократов, республиканцы утверждали мессианское лидерство, полагаясь на собственные ресурсы и волю США, умаляя и даже игнорируя международные организации, в том числе ООН. Огромную роль в пестовании внешнеполитической стратегии Республиканской партии после «холодной войны»

⁴ См.: *Согрин В.В.* Внешняя политика Дж. Буша-младшего. Генезис. Эволюция. Итоги. – Новая и новейшая история, 2014, № 2, с. 92–111; *его же.* США в XX–XXI веках. Либерализм. Демократия. Империя. М., 2015, с. 400–544; *его же.* Американская империя как исторический и современный феномен. – Новая и новейшая история, 2016, № 3, с. 91–109.

сыграли неоконсерваторы. Дж. Болтон, Дж. Кирпатрик, Ч. Краутхэммер, Р. Кейган, У. Кристол, Н. Подгорец, Р. Перл, Д. Рамсфелд и другие активно доказывали, что новый миропорядок является *однополярным*, что Соединенные Штаты не только *единственная сверхдержава*, но и *империя*, и этим статусом они должны гордиться. Главный аргумент: американский имперский универсум — *Rex Americana*, в отличие от всех прежних империй, основывается на ценностях демократии⁵. Предвыборные платформы республиканцев конца XX — начала XXI вв. жестко требовали «распространять демократию и экономические свободы» в глобальном масштабе, утверждать «мир посредством силы (*peace through strength*)». Республиканцы брали обязательство гарантировать Соединенным Штатам «статус превосходящей всех военной державы» (*preeminent military power*). Подчеркивалось право США на одностороннее, игнорируя международные организации, использование военной силы. В программах республиканцев провозглашалась цель скорейшего приема в НАТО стран Центральной Европы, бывших союзников СССР по Варшавскому договору. Подчеркивалось, что США должны быть гарантом независимости бывших советских республик, «особенно Латвии, Литвы, Эстонии, Украины и Армении».

Демократ Б. Клинтон, победивший Дж. Буша-старшего на президентских выборах 1992 г. и затем в течение восьми лет руководивший внешней политикой США, воспринял принципиальный подход, обозначившийся во внешней политике Вашингтона по завершению «холодной войны». Отказ от «устаревшей» доктрины *сдерживания* и утверждение нового глобального миропорядка по американской модели в условиях безраздельного господства США, наделивших себя функцией дирижера и распорядителя мировой экономики и политики, — вот ее суть. Сам Б. Клинтон не однажды формулировал эту суть в предельно откровенной форме⁶. Не менее конкретные гегемонистские формулировки использовала государственный секретарь от Демократической партии М. Олбрайт. В «классику» гегемонистской риторики вошло ее определение Соединенных Штатов» как «незаменимой нации» (*indispensable nation*) в роли мирового лидера. Полностью ее суждение звучало так: «Если нам придется прибегнуть к силе, так это потому, что мы Америка. Мы — незаменимая нация». В другом суждении, Олбрайт наделила США «обязанностью быть творцом истории»⁷. Особое значение Клинтон и демократы придавали переустройству мирового экономического порядка. Мир вступил в «эру глобализации» (в которой, замечу, господствующее место заняли американские транснациональные корпорации), и США надлежало стать ее вдохновителем и лидером.

В период президентства Клинтона США фактически присвоили себе функции мирового полицейского, что имело следствием резкое возрастание вмешательства Соединенных Штатов во внутренние конфликты на всех континентах мира. Это означало негласную расширительную трактовку доктрины Монро. Если Т. Рузвельт в начале XX в. внес в нее поправку, наделявшую США ролью полицейского в странах Латинской Америки, то Б. Клинтон своими действиями расширил ее до права США быть полицейским всего земного шара. Клинтон также усилил демократическую риторику «полицейской» поправки. Одно из главных мест заняла в ней концепция «гуманитарной интервенции».

⁵ См. подробно: *Ehrman J.* The Rise of Neoconservatism. Intellectuals and Foreign Affairs 1945–1994. New Haven – London, 1995, p. 181–188; *Bacevich A.* American Empire. Cambridge (Mass.), 2002, p. 2–5; *Abbot P.* Political Thought in America. Long Grove (Ill.), 2005, p. 335–336; *Баталов Э.А.* Мировое развитие и мировой порядок. Анализ современных американских концепций. М., 2005, с. 320–348; *Рахимир П.Ю.* Американские консерваторы и имперская идея. Пермь, 2007; *The Paradox of a Global USA.* Stanford (Cf), 2007, p. 25; *Pearson M.L.* Perils of Empire. The Roman Empire and the American Republic. New York, 2008, p. 3.

⁶ *Bacevich A.* Op. cit., p. 32–33.

⁷ *Ibid.*, p. 1, 33.

США не только усилили собственное гегемонистское присутствие в Европе, но и способствовали превращению ее в главную военную силу блока НАТО. В начале 1994 г. Б. Клинтон указал на неотвратимость расширения НАТО, заявив, что вопрос этот решенный и он должен быть переведен в плоскость «как и когда» это произойдет⁸. Был составлен график вступления в альянс центральноевропейских стран, как и прибалтийских, бывших советских, республик. Процесс расширения НАТО был запущен в жизнь. На его завершение понадобилось не менее 10 лет, но основная работа была проделана в период президентства Клинтона. В целом президентство Клинтона стало важным этапом формирования Вашингтоном стратегии и практики внешнеполитического курса США в качестве единственной сверхдержавы, как и нового миропорядка, сменившего ялтинско-потсдамский.

Гегемонистская стратегия Б. Клинтона и демократов была развита в еще более жестких формах Дж. Бушем-младшим и Республиканской партией, пришедших к власти в результате победы на президентских выборах 2000 г. Своего рода квинтэссенцией внешнеполитической программы второго поколения неоконсерваторов явился проект «Новый американский век», целенаправленно навязывавшийся американскому политическому классу начиная с 1997 г.⁹ Речь шла о XXI в., который, согласно неоконсерваторам, должен был стать еще более американским, нежели век предшествующий. Один из ведущих «неоконов», Ч. Краутхэмер, автор идеи (и соответствующего термина) «однополярного миропорядка», управляемого американской «демократической империей», доказывал, что новый миропорядок не преследует цели поддержания баланса сил, поскольку признаёт Соединенные Штаты безраздельно господствующей мировой державой, а все другие страны, пусть и ранжируемыми, но клиентами¹⁰. Р. Кейган доказывал, что США, выполняя свою историческую миссию, имеют право игнорировать не только ООН, но и своих европейских союзников. Не надежность последних, указывал Р. Кейган, выявилась при Б. Клинтоне: «Интересно, решились бы они бомбить Белград в 1999-м, если бы Соединенные Штаты не принудили их к этому?» Односторонний силовой диктат, постулировал Р. Кейган, обусловлен новыми мировыми реалиями: «Наличие у Америки огромной военной мощи порождает стремление эту мощь использовать. Напротив, военная слабость Европы вызвала к жизни совершенно понятное отвращение к военной силе... после того как необходимость сдерживания СССР отпала, Соединенные Штаты получили возможность вмешиваться в конфликты где угодно и когда угодно»¹¹.

Ставка неоконсерваторов на силовое утверждение американского миропорядка имела следствием появление в их арсенале и такой доктрины как «смена режимов» (regime change). Формально она была озвучена после 11 сентября 2001 г. и стала известна как *доктрина Буша*. Но фактически доктрина была выпестована в 90-е годы. Уже тогда неоконсерваторы стали рассуждать о *несостоятельных/не состоявшихся* государствах (rogue states, failed states), не способных естественным эволюционным путем трансформироваться в демократические и встроиться в американский миропорядок. Таким государствам следовало «помочь», свергнув в них «порочные» режимы

⁸ *Голдгейр Дж., Макфол М.* Цель и средства. Политика США в отношении России после «холодной войны». М., 2009, с. 17, 228.

⁹ Statement of Principles, June 3, 1997. — <http://www.Newamericancentury.org>. После выборов 2000 г. многие авторы проекта «Новый американский век» получили высокие посты в правительстве Джорджа Буша. Д. Чейни стал вице-президентом США (по мнению аналитиков «серым кардиналом» правительства), Д. Рамсфелд — министром обороны, П. Вулфовиц — заместителем министра обороны, Дж. Болтон — представителем США в ООН, З. Халилзад — послом США в Ираке.

¹⁰ *Krauthammer C.* The Unipolar Moment Revisited. — The National Interest, Winter 2002/2003, p. 5–17.

¹¹ *Кейган Р.* Сила и слабость. — Pro et Contra, 2002, № 4, с. 129, 135, 133 (*Kagan R.* Power and Weakness. — Policy Review, 2002, № 113).

и «даровав» демократию американского образца. Демократ Б. Обама, одержавший победу на президентских выборах 2008 г., поначалу осудил идею «однополярного мира», противопоставив ей концепцию мультипартнерства и цивилизационного плюрализма, но уже через два года после вступления в должность воспринял и стал пестовать принципы «американской исключительности», мировой «демократической революции» по американской модели, дальнейшего распространения американского внешнеполитического господства, включая в него бывшие советские республики, в первую очередь Украину.

Квинтэссенцией внешнеполитической стратегии США после окончания «холодной войны» и отношения Вашингтона к России может, на мой взгляд, служить книга ведущего американского идеолога – геополитика З. Бжезинского «Великая шахматная доска»¹², увидевшая свет в один год с неоконсервативным «Новым американским веком». (Сам Бжезинский играл видную роль в Демократической партии, будучи в период президентства Дж. Картера его главным внешнеполитическим советником, умело использовавшим ввод советских войск в Афганистан для сплочения против Советского Союза многих, в первую очередь мусульманских стран.)

Основная идея «Великой шахматной доски» состоит в том, что итогом победы США в «холодной войне» стало утверждение ими единоличного господства в мире: «Америка занимает доминирующие позиции в четырех имеющих решающее значение областях мировой власти: в военной области она располагает не имеющими себе равных глобальными возможностями развертывания; в области экономики остается основной движущей силой мирового развития...; в технологическом отношении она сохраняет абсолютное лидерство в передовых областях науки и техники; в области культуры, несмотря на ее некоторую примитивность, Америка пользуется не имеющим себе равных притягательностью, особенно среди молодежи всего мира»¹³. Бжезинский отстаивал расширение геополитического господства США в мире, в том числе включения в орбиту военно-политической гегемонии США постсоветского пространства, в первую очередь Украины. Желание российского постсоветского руководства выступать в новом миропорядке в качестве равного партнера Вашингтона им категорически отвергалось: «Америка никогда не намеревалась делить власть на земном шаре с Россией, да и не могла делать этого, даже если бы и хотела»¹⁴.

Суть новой внешнеполитической стратегии США не сразу была осознана постсоветским руководством России. В первой половине 90-х годов оно исходило из того, что «холодная война» закончилась без победителей и побежденных и что российская власть, заявившая о приверженности впредь ценностям западной цивилизации, будет выступать на равных с Соединенными Штатами в новом миропорядке, который воплотит многополярность. Отрезвление наступило с середины 90-х годов вследствие бесцеремонного насильственного «переустройства» Югославии Соединенными Штатами и НАТО, проигнорировавшими позицию России. Россия стала всё более активно противостоять гегемонистскому поведению США, не отказываясь, вместе с тем от поиска компромисса с американской империей. Конфликт углублялся, достигнув высшей точки к концу президентства Обамы. Такова, на мой взгляд, историческая обусловленность антагонизма США и России последней четверти века.

Эту обусловленность А. Стент в той или иной мере признает, но такое признание завуалировано позитивистским стремлением поэтапно и шаг за шагом распределять

¹² Brzezinski Z. The Grand Chessboard. American Primacy and Its Geostrategic Imperatives. New York, 1997. Кстати, А. Стент может быть адресован упрек в связи с тем, что она в своей книге проигнорировала работы Бжезинского, так же как и труды лидеров иных исследовательских школ, например, авторитетного левого либерала А. Басевича.

¹³ Бжезинский З. Великая шахматная доска. Американское превосходство и его стратегические императивы. М., 2010, с. 37–38.

¹⁴ Там же, с. 123.

ответственность за ухудшение отношений двух стран между четырьмя президентами США и постсоветским руководством России.

Первый этап — президентство Дж. Буша-старшего — предстает в книге А. Стент как наиболее лояльный в отношении американских руководителей к России и одновременно как наименее амбициозный в их общей внешнеполитической стратегии: «Сразу после окончания “холодной войны” экспорт демократии вовсе не числился среди их приоритетов. А кроме того, они понимали, как важно не оскорблять Россию в период, когда она находится в таком ослабленном состоянии» (с. 29). Отчасти это верно. Тот короткий период — 1992-й — начало 1993 г. — был «медовым месяцем» в отношениях США и России. Российский президент Б.Н. Ельцин повторял, как мантру, утверждение о цивилизационной либерально-демократической (т.е. по американской модели) общности России и США, и американское руководство прониклось убеждением, что «если не будет Ельцина, к власти снова вернутся коммунисты и это будет катастрофой» (с. 29). С Ельциным крепили дружеские отношения, но как показано в книге, они, по сути, ограничивались риторикой, а на реальную помощь бедствующей России Вашингтон оказался откровенно скуп: «Соединенные Штаты предоставили 62 городам бывшего СССР гуманитарную помощь в виде продовольствия и медикаментов. Вместе с тем США отклонили идею нового плана Маршалла для России и ограничили ее участие в программах помощи». Среди политических лидеров США только бывший президент Р. Никсон «предупреждал, что объем американской помощи России является “жалким и неадекватным ответом”» (с. 32–33).

Подлинный характер отношения США к новой России проявился в длительный период президентства демократа Б. Клинтона (1993–2001). А. Стент разделяет его на два этапа — первый, охвативший 1993–1994 гг., явился своего рода «медовым месяцем» в отношениях двух стран, а второй — 1995–2001 гг. — оказался «моментом истины» в их отношениях, когда США открыто продемонстрировали желание господствовать в новом миропорядке, а для российского руководства наступило отрезвление, сопровождавшееся намерением освободиться от унижительной роли клиента американской империи.

На первом этапе, как показано в книге А. Стент, наиболее болезненным ударом для России *со стороны администрации* Клинтона оказалось расширение НАТО за счет восточноевропейских стран, бывших участников Варшавского договора. Ельцина «усыпили» программой «Партнерство ради мира», в которую включились как бывшие сателлиты СССР, так и Россия. Она означала прямой обман Ельцина американцами: «Ельцину разъяснили, что участие в программе означает именно сотрудничество, никакого членства оно не подразумевает. Но едва программа заработала, начался процесс расширения НАТО» (с. 66). России в программе дали право голоса, но не право вето, и она не смогла остановить включение стран Восточной Европы в атлантический военный блок.

Признавая коварство США, А. Стент вместе с тем полагает, что с правовой точки зрения отказывать странам в Восточной Европы в приеме в НАТО оснований не было. В этом вопросе с нею можно поспорить. А. Стент доказывает, что в горбачёвский период соглашения между Западом и СССР о нераспространении НАТО на Восток не существовало и «такой вопрос в принципе не обсуждался» (с. 63). Но факты, приводимые не только М.С. Горбачёвым и его сторонниками, но и американскими авторами, при этом России отнюдь не сочувствующими, свидетельствуют об обратном. Известный критик современной России М. Макфол в книге, написанной совместно с Дж. Голдгейром, отмечает, что нераспространение НАТО было обещано СССР в ходе его радикальных уступок Западу в конце 1980-х годов, в первую очередь согласия на поглощение ФРГ Восточной Германии. Госсекретарь США Дж. Бейкер заверил Горбачёва: «НАТО не будет расширять свою юрисдикцию или продвигать свои силы на восток ни на один дюйм». Горбачёв, закрепляя «джентльменское соглашение», подчеркнул, что «любое расширение зоны НАТО неприемлемо». Ответом

Бейкера было: «Я согласен»¹⁵. Другое дело, что Горбачёв поверил американскому руководству на слово, не подкрепив устного согласия Вашингтона подписанием юридически обязывающего документа. Могу заметить, что даже в случае документального подтверждения такого согласия США не отказались бы от плана расширения атлантического военного альянса за счет бывших сателлитов СССР. Ведь их целью после завершения «холодной войны» было наращивание собственной гегемонии, а ради такой цели были хороши любые средства, и моральные обязательства утрачивали значение.

Необходимо признать, что включение бывших сателлитов СССР в НАТО осуществлялось отнюдь не вопреки их воле. Напротив, они сами настойчиво стучались в НАТО и хотели видеть США в своих странах в качестве, если воспользоваться определением норвежского ученого Г. Лундестада, «империи по приглашению»¹⁶. А. Стент показывает, что так называемые «новые европейские страны», т.е. бывшие сателлиты СССР, а теперь американские клиенты стали более ревностно служить Соединенным Штатам, нежели «старые» страны Европы. Так, в 2003 г. «десять государств Восточной Европы заявили о поддержке планов США по свержению Саддама Хусейна», в то время как Германия и Франция выступили против, фактически сомкнувшись в этом вопросе с Россией. В 2008 г. во время российско-грузинского конфликта представители «новой» Европы сочли, что страны «старой» Европы, вступившие в переговоры с Россией, «предали Грузию». В 2009 г. Чехия и Польша, в отличие от стран «старой Европы», категорически протестовали против плана Б. Обамы отказаться от размещения на их территории американских систем противовоздушной обороны (с. 126, 210, 273).

На втором этапе взаимоотношений администраций Б. Клинтона и Б.Н. Ельцина отношения США и России переросли в конфронтационные. Главная причина, согласно обоснованным выводам А. Стент, проистекала из расхождения по поводу политики США на Балканах, ликвидацией Соединенными Штатами и НАТО югославского государства. Признавая эту причину, А. Стент, на мой взгляд, необъективно распределяет ответственность за нее между двумя державами: «России, судя по всему, было куда важнее противостоять инициативам НАТО, чем помогать в разрешении крупного гуманитарного кризиса в Европе» (с. 73). Во-первых, за «гуманитарной интервенцией» США и НАТО в реальности скрывалось твердое гегемонистское желание Вашингтона осуществить «смену режимов» в югославских республиках, приведя к власти лояльных политиков, что и было осуществлено. Россия осознала это и сменила прежнее во многом не критическое следование в фарватере американской внешней политики на суверенную государственную позицию. Во-вторых, российское руководство регулярно вступало в переговорный процесс с Вашингтоном и НАТО, предлагало компромиссы и шло на уступки, окончательно отказавшись от такой позиции только после военного отторжения в 1999 г. Вашингтоном и НАТО Косово от Сербии.

В книге А. Стент приводятся факты, свидетельствующие, что, вопреки утверждениям современной российской публицистики о слепом подчинении российских руководителей в 90-е годы американской политике, они на самом деле все более решительно критиковали Вашингтон. Министр иностранных дел А.В. Козырев, которого сегодня многие в России считают чуть ли не американским агентом, в переговорах

¹⁵ Цит. по: *Голдгейр Дж., Макфол М.* Указ соч., с. 227.

¹⁶ В XX в. отмечены примеры того, как разные государства добровольно воспринимали американское покровительство, обращались к США за их поддержкой, устремлялись в созданные и руководимые ими экономические и финансовые международные организации, как и в военно-политические союзы. Норвежский исследователь Г. Лундестад, анализируя это явление, счел возможным назвать США в таких случаях «империей по приглашению» (*Lundestad G. Empire by Invitation? – The United States and the Western Europe, 1945–1952. SHARF Newsletter, September 1984, № 15; Лундестад Г.* Восток, Запад, Север, Юг. Основные направления международной политики. 1945–1996. М., 2002, с. 14). В последнюю четверть века на наших глазах США оказывались «империей по приглашению» в странах бывшего советского блока и даже бывшего СССР.

с вашингтонскими дипломатами признавал несовпадение политики США с интересами России: «И без того плохо, что ваши люди сообщают нам, что вы все равно сделаете по-своему, нравится нам это или нет. Так хотя бы не бередите наши раны рассказами, что подчиняться вашим порядкам якобы в *наших интересах*» (с. 70). А президент Б.Н. Ельцин, заменивший Козырева на посту министра Е.М. Примаковым, во второй половине 90-х годов жестко критиковал «друга Билла» и в 1999 г. на саммите Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе пошел на конфронтацию с американским президентом по основным вопросам внешней политики: «И это был уже совсем другой Ельцин. Он подверг критике Запад за его “морализаторство” и отметил, что совершенная с подачи Америки “агрессия против Югославии лишила Клинтона права читать России нотации о том, как она должна управляться с террористами на ее собственной территории”» (с. 72).

Более половины книги А. Стент посвящено рассмотрению отношений России и США в период президентства Дж. Буша-младшего (2001–2009). С российской стороны внешнюю политику в эти годы возглавлял В.В. Путин. Период начался «перезагрузкой» отношений двух стран, инициатором которой был российский президент. Из анализа А. Стент вытекает, что именно Путин прилагал наибольшие усилия для улучшения и стабилизации российско-американских отношений и что «перезагрузка» разбилась о твердое намерение неоконсервативного руководства США закрепить и расширить американское господство в мире, включая, чего не было при Клинтоне, бывшие республики СССР.

Приведу общую оценку А. Стент внешнеполитического видения Путина: «Несмотря на годы службы в КГБ и сожаления о крахе Советского Союза, Путин был прагматиком и желал наладить сотрудничество с США на взаимовыгодной основе, признавая асимметрию американской и российской мощи в экономическом и военном аспектах. Более того, Путин прекрасно отдавал себе отчет, что будущее влияние России в международных делах зависит от ее экономического благополучия и что для модернизации потребуются западные инвестиции и торговля с Западом. И потому Путин не устал подчеркивать свою приверженность интеграции России с Западом по крайней мере в экономическом плане» (с. 81). Вместе с тем внешнеполитическая доктрина России 2000 г. включила в цели России добиваться «многополярной системы международных отношений», решающей роли ООН и его Совета Безопасности в урегулировании конфликтов в мире (с. 82), что, заметим, явилось важнейшей причиной реанимации и углублявшегося непонимания между российским руководством и неоконсервативной администрацией США.

Инициатива «перезагрузки» российско-американских отношений была открыто и определенно заявлена В.В. Путиным в сентябре 2001 г., когда он за два дня до террористических атак против США, опираясь на данные российской разведки, предупредил американское руководство о готовящейся акции Аль-Каиды, а сразу после нее «первым из глав иностранных государств» протянул руку Бушу, предложил альянс в борьбе с мировым терроризмом. Американское руководство ответило позитивно, а руководитель госдепартамента К. Райс «осознала, что “холодная война” закончилась» (с. 93–95).

Российский президент поддержал американские военные действия в Афганистане и 21 сентября 2001 г., несмотря на разногласия в российском руководстве и обществе, высказался за размещение американских военных баз в бывших советских республиках Средней Азии, «поскольку был заинтересован в добрых отношениях с Соединенными Штатами» (с. 95). Вскоре Россия объявила о закрытии радиоэлектронного центра «Лурдес» на Кубе и военно-морской базы Камрань во Вьетнаме. В декабре 2001 г. после решения администрации Буша о выходе из договора по ПРО 1972 г. российское руководство, признавшее это решение ошибочным, вместе с тем объявило о готовности к продолжению сотрудничества с США. В мае 2002 г. во время визита Дж. Буша в Москву был подписан Договор об ограничении стратегических наступательных потенциалов двух стран.

Даже после свертывания позитивной «перезагрузки» российско-американских отношений, ответственность за которое А. Стент возлагает на американское руководство, в первую очередь его решение о вооруженном вторжении в Ирак в 2003 г. и активную роль в инициировании и поддержке «цветных революций» в Грузии, Украине и республиках Средней Азии в 2003–2005 гг., Москва не отказывалась от сотрудничества с Вашингтоном по ряду важнейших вопросов. В 2006–2008 гг. Россия в Совете Безопасности ООН поддержала инициированные США резолюции по ограничению и контролю над иранскими ядерными программами, как и санкции против проигнорировавшего их Тегерана (с. 185). Весной 2008 г. российский президент подписал соглашение о транзите, разрешающее НАТО воздушную транспортировку грузов в Афганистан через российскую территорию по Северному логистическому маршруту (с. 203).

Тем не менее с 2005 г. Москва всё более решительно стала выступать против претензий Вашингтона на монополярное управление миром. Эти меры российского руководства в изложении А. Стент предстают как ответ на действия неоконсервативного руководства США, при этом автор полагает, что их следствием был также отказ России от классической демократии в пользу особого исторического пути. «Знаковым» событием российского разворота в отношении США А. Стент, что не удивительно, считает речь В.В. Путина в феврале 2007 г. на мюнхенской конференции по вопросам безопасности.

Что необычно для американского автора, А. Стент делает упор на обоснование ответственности американского неоконсервативного руководства за резкое ухудшение отношений США с Россией. А. Стент подробно излагает меры американского правительства, которые привели к повороту во внешней политике России. Это выход США из договора по ПРО 1972 г. Это интервенция США в Ирак 2003 г. Это одобрение администрацией Буша «следующей стадии расширения НАТО», включившей прием в военный альянс бывших советских республик Латвии, Литвы и Эстонии (с. 109). Это одобрение неоконсервативной администрацией программы по «расширению демократии». А. Стент делает удачное, но вместе с тем не вполне точное обобщение: «В этом смысле расстановка сил времен “холодной войны” изменилась с точностью до наоборот. Канула в лету готовность СССР добиваться смены режимов по всему миру. При Горбачёве советская внешняя политика избавилась от лишней идеологии и от прежней миссии нести дело коммунизма по всему миру. Теперь же, в отличие от Америки, Россия ратовала за невмешательство во внутренние дела других стран. И теперь уже не Москва, а Вашингтон желал перекроить мир по своим меркам» (с. 119). Считаю это обобщение не вполне точным по той причине, что в период «холодной войны» США также хотели перекроить мир по своим лекалам, но тогда с ними соперничал СССР с его идеей мировой коммунистической революции. Соперничество американского и советского гегемонизма было, на мой взгляд, одной из главных причин «холодной войны». Успех сопутствовал США, и после завершения «холодной войны» эта, теперь уже единственная, сверхдержава продолжила борьбу за абсолютное мировое господство.

А. Стент обстоятельно рассмотрела инициативную роль США в организации «цветных революций» 2004–2005 гг. в Грузии, Украине и Киргизии. Из ее анализа также с очевидностью вытекает, что для грузинского политика М. Саакашвили и украинского В.А. Ющенко, одержавших при помощи американцев победы в своих республиках на президентских выборах тех лет, Америка была «империей по приглашению». А. Стент не употребляет этого термина, но пресмыкательство М. Саакашвили и В.А. Ющенко перед американскими неоконсерваторами показано ею выразительно. Что же касается влияния событий 2003–2005 гг. на постсоветском пространстве на российско-американские отношения, то вывод А. Стент состоит в том, что неоконсерваторы первыми в американском политическом классе посягнули на господство в постсоветском пространстве, проявили полное игнорирование национального интереса России, которая вполне естественно отреагировала на это.

Соглашусь с тем выводом А. Стент, что в окружении Буша верх все более брали сторонники «перекройки мира» по американским меркам. Также соглашусь с тем, что наиболее активным среди них был вице-президент Д. Чейни, этот «серый кардинал» неоконсервативного правительства, которому Буш передоверил важнейшие направления деятельности. Подробно А. Стент характеризует значение участия Чейни в вильнюсской конференции глав государств балтийского и черноморского регионов в мае 2006 г. для торжества антироссийской линии США. Именно это участие и речь на конференции Д. Чейни «оставили в прошлом» разговоры об американско-российском партнерстве, «которые велись после 2001 года» (с. 170). Последний удар позитивных тенденций в российско-американских отношениях при Буше нанес противоправный выход Косово, нового клиента США, из состава Сербии в феврале 2008 г. и авантюристической попыткой Саакашвили, уже клиента-«ветерана» американской империи, в августе того же года силой вернуть Грузии Южную Осетию (с. 193–213).

Обратившись к российско-американским отношениям периода президентства Б. Обамы, А. Стент разделила его на два этапа — до и после 2012 г. Первый этап отмечен новой «перезагрузкой» отношений двух держав, а второй — ее крахом. Новая «перезагрузка» формально была провозглашена американской администрацией, но фактически стремление к ней проявили обе стороны. При этом А. Стент связывает смягчение позиции России с избранием в 2008 г. ее президентом Д.А. Медведева. Внешнеполитическая повестка Б. Обамы отразила разочарование большинства американских избирателей в экспансионистской программе Дж. Буша-младшего и неоконсерваторов. Альтернатива Обамы включала в 2008–2011 гг. отказ от навязывания американской общественно-политической модели странам, где не вызрели внутриполитические предпосылки для демократизации по западному образцу, признание культурно-цивилизационного плюрализма обновляющегося миропорядка, замену однополярного подхода к разрешению международных конфликтов мультипартнерством, в котором на равных с Соединенными Штатами участвовали бы Китай, Россия, другие влиятельные «игроки». За одну эту альтернативу Б. Обама был осенью 2009 г. удостоен Нобелевской премии мира.

На том этапе Б. Обама для реализации своей программы предпринял ряд практических мер, включавших среди прочих «перезагрузку» отношений с Россией. Она получила самый благоприятный отклик со стороны Москвы. Весной 2009 г. «для Обамы стало приятным сюрпризом, когда Медведев неожиданно предложил расширить северный логистический маршрут для переброски американских невоенных грузов в Афганистан» (с. 269). Выяснилось, что укрепление партнерства России и США поддерживается и премьером В.В. Путиным. В то время, «когда ульяновские коммунисты проводили демонстрации под лозунгом советских времен “НАТО, руки прочь от России!”», российское руководство провело решение о создании в этом городе перевалочного пункта для транзитных грузов в Афганистан, а премьер Путин в речи по случаю открытия перевалочного пункта сказал “Мы должны помочь им”» (с. 279–280).

В рекордно короткий срок, в течение года, две державы подготовили и в апреле 2010 г. подписали договор о дальнейшем ограничении стратегических наступательных вооружений (СНВ-3). В июне 2010 г. Россия в числе пяти постоянных членов Совета Безопасности ООН проголосовала за четвертый, значительно более широкий пакет санкций против Ирана, при этом Москва расторгла контракт на поставку Тегерану зенитных ракетных систем С-300 на общую сумму 800 млн долл. (с. 281). Вашингтон согласился заморозить конфликт с Москвой по поводу Грузии и признал приоритет национальных интересов России на постсоветском пространстве. Среди прочих мер «перезагрузка» включила отмену американским Конгрессом поправки Джексона — Вэника и результативную поддержку Соединенными Штатами вступления России в ВТО.

«Перезагрузка» была реальной и значимой, но тем более неожиданной явилось ее резкое прекращение в 2012 г. В чем причина? Рассмотрение ответа на этот вопрос А. Стент начинает с параграфа, озаглавленного «Соединенные Штаты, Рос-

сия и “арабская весна”» (с. 297). Вот ее принципиальное заключение: «А поскольку Соединенные Штаты приветствовали народные восстания против авторитарных ближневосточных режимов — даже тех, которые всецело поддерживали многие десятилетия, — Россия по заведенной традиции испытывала все больше тревоги из-за активной поддержки, которую Вашингтон оказывал смене власти в других странах» (с. 297). Фактически А. Стент признает, что Обама отказался от предвыборных обещаний 2008 г. и воспринял с 2011 г. неоконсервативные доктрины распространения демократии в мире по американской модели и однополярного мира под руководством США. Это была фундаментальная причина возобновления антагонизма с Россией. В наиболее острой форме, как показано в книге, этот антагонизм выступил в Сирии.

Еще больше антагонизм обострился в связи с событиями на Украине 2014 г.: «Поддержка противников режима Януковича означала, что в Белом доме окончательно решили: перезагрузку с Россией не спасти» (с. 363). Подводя итог рассмотрению российско-американских отношений при четырех президентах США, А. Стент констатирует фундаментальную черту американской внешнеполитической стратегии, которая унижительна для России и абсолютно для нее неприемлема: «Таким образом, Россия важна для США в той мере, в какой может помочь Вашингтону добиваться более широких внешнеполитических целей» (с. 311). Т.е. Вашингтон готов рассматривать Москву только в качестве клиента своего имперского лидерства, каковым для США стали восточноевропейские и балтийские страны, а с недавних пор и Украина. Но Россия такой роли не приемлет, противопоставляет ей суверенную внешнюю политику. А. Стент заключает свою книгу прогнозом отношений двух держав, с которым трудно не согласиться: «Наиболее вероятный сценарий на будущее — это все более ограниченное партнерство, отягощенное грузом обманутых ожиданий» (с. 366).